

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК X

СРЕДНЯЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1971

Ю. А. Заднепровский

**ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПАМЯТНИКОВ
КОЧЕВНИКОВ СЕМИРЕЧЬЯ УСУНЬСКОГО ПЕРИОДА**

II в. до н. э. — V в. н. э.

В исторических судьбах Средней Азии усуньского времени большую роль играли кочевые племена. Именно они явились главной силой в борьбе с Греко-Бактрийским царством и в образовании Парфянского и Кушанского государств. Изучение истории этих племен первоначально основывалось на интерпретации письменных источников. В последнее время все большее значение приобретают исследования археологических памятников.

На территории Семиречья изучено значительное количество главным образом погребальных памятников рассматриваемого периода. Они могут быть разделены на несколько групп, различающихся по устройству могилы, особенностям погребального обряда и характеру сопровождающего инвентаря, а отчасти и по антропологическому типу погребенных.

Резюмируя результаты археологических работ М. В. Воеводского — М. П. Грязнова [13], А. Н. Бернштама [12], А. Кибирова [21], Е. И. Агеевой [2], К. А. Акишева [6], Г. В. Кушаева [25], А. Г. Максимовой [30], А. К. Абетекова [1] и др., можно выделить два основных типа памятников — чильпекский и кенкольский. Первый объединяет захоронения в простых грунтовых могилах, обычно именуемые в литературе усуньскими. Второй включает по крайней мере две разновидности — памятники с погребениями в катакомбах, которые и составляют собственно кенкольскую группу, и группу могильников с захоронениями в подбоях, которую можно назвать айгырджальской. Автор считает необходимым рассматривать их как самостоятельные. Однако в данной работе для удобства и ясности изложения гипотезы автора они объединены по одному признаку — отличию их от могильников с простыми грунтовыми ямами.

Относительно этнической принадлежности отдельных групп захоронений Семиречья рассматриваемого времени в литературе высказаны разные предположения. Так, М. В. Воеводский и М. П. Грязнов изученные ими курганы с захоронениями в грунтовой яме отнесли к памятникам усуней [13]. А. И. Тереножкин высказал мнение, что часть вскрытых могил принадлежала усуням, а другая — племенам сэ [сак-ков] или юечжей [39]. Катакомбные и подбойные захоронения Семиречья А. Н. Бернштам отождествлял с гуннами [10; 11, стр. 359—362]. Г. В. Кушаев подбойные могилы долины Или связывает с местным населением [25, стр. 253]. Появление этих же захоронений Е. И. Агеева объясняет переселением какой-то части среднеазиатских

племен в Семиречье [2, стр. 39]. Курганы с деревянным перекрытием и своеобразной глиняной посудой в могильниках Соколовка и Джергес на Тянь-Шане А. Н. Бернштам сопоставил с восточной группой юечжей [9, стр. 60]. Из приведенного перечня этнических определений можно заключить, что все исследователи рассматривают существование могильников с различной формой могильного сооружения как отражение этнической разнородности населения Семиречья усуньского времени, что засвидетельствовано в письменных источниках. Этнические сопоставления, как правило, недостаточно аргументированы, и в литературе отсутствуют обоснования принципов для отождествления археологических памятников.

Накопление нового материала дает возможность поставить вопрос о пересмотре этнических отождествлений памятников Семиречья усуньского времени в целом. При этом мы считаем необходимым отвлечься от существующих определений и руководствоваться следующими принципами: рассмотреть все известные на данной территории типы погребальных сооружений и их инвентарь интересующего нас времени и выделить из них основные типы, определить ареалы этих типов, уточнить хронологические рамки существования их; проследить генетические связи и происхождение каждого типа и в заключение сопоставить археологические данные со сведениями письменных источников.

В могильниках чильпекского типа с грунтовыми захоронениями курганы обычно расположены цепочками. На позднем этапе такое расположение сменяется бессистемным. Другой устойчивый признак — наличие каменного кольца в основании кургана. Захоронения производились в простых грунтовых ямах, стенки которых иногда укреплялись деревом. Могилы перекрывали деревянным накатом или каменными плитами. Часто они не имеют специального перекрытия. Особый вариант составляют могилы, перегороженные наклонно поставленными жердями, называемые «заставки». Некоторые археологи видят в них прототип подбойных могил, промежуточное звено между грунтовой и подбойной могилами. Скелеты лежат вытянуто на спине, головой, как правило, на запад. Встречаются отклонения в ориентировке; например, в могильнике Капчигай III в долине Или значительное количество костяков лежало головой на северо-запад [25, стр. 148—154]. Почти во всех могилах встречаются одиночные захоронения, но известны случаи, когда под одной насыпью имеются две-три могильные ямы. Все умершие положены непосредственно на дно могилы, а не в гроб или на деревянном ложе. Обычно в могиле находятся один-два сосуда, изредка железный нож, а в женских захоронениях — единичные предметы украшения. Оружие в грунтовых захоронениях, как правило, отсутствует.

Довольно часто в могилах обнаруживают кости барана — свидетельство положения ритуальной пищи. Исключительно редко встречаются привозные вещи и изделия из драгоценных металлов. На 500 известных курганов такие находки известны только в трех-четырех могилах. В нескольких захоронениях обнаружены зернотерки.

Глиняная посуда — лепная. Очень часто на сосудах видны отпечатки ткани, матерчатого мешка, при помощи которого изготавливали керамику. Почти вся посуда с круглым дном и обычно без украшения. Типичные формы — полусферические чаши и миски, горшки грушевидной формы, изредка имеющие петлевидные ручки.

Перечисленные признаки полностью или с некоторыми вариантами свойственны всем исследованным могильникам в долинах Или, Чарына, Таласа, Чу и Тянь-Шаня. Погребенные в грунтовых могилах усунь-

ского времени в антропологическом отношении не представляли определенного единства. Антропологи выделили три типа: европеоидный андроновский тип, брахикранный европеоидный тип Среднеазиатского междуречья и смешанный тип — европеоидный с примесью монголоидных признаков. Первый тип, по данным изучения мужских черепов из Семиречья, составлял 40%, второй — 31% и третий — 9%¹. Из долины Или происходят два мужских черепа монголоидного типа. Следовательно, население в расовом отношении было неоднородным. Такая неоднородность подтверждается изучением и женских черепов. Сравнительное изучение материалов из разных районов — Семиречья, Тянь-Шаня, Алая и Восточного Казахстана — показало, что население усуньского времени на этой территории существенно не различалось и было близко друг к другу.

Изучение антропологических материалов из грунтовых захоронений по хронологическим этапам усуньского периода позволяет говорить, что расовый тип населения, в общем, почти не изменился. Однако антропологи отмечают увеличение монголоидности в это время по сравнению с предшествующим сакским периодом [19].

Ареал памятников чильпекского типа с грунтовыми могилами включает все Семиречье. За пределами его, в Восточном Казахстане, в это время распространены захоронения в каменных ящиках кула-жургинской культуры [45]. В Центральном Казахстане памятники усуньского времени почти не изучены. Известно всего несколько подбойных захоронений [20]. В низовьях Сырдарьи исследованы наземные глинобитные погребальные сооружения, а также могилы с обрядом трупосожжения [41]. Могильники рассматриваемого типа разделены исследователями главным образом на основании изменения керамики на три хронологические группы: III—I вв. до н. э., I—III вв. н. э. и III—V вв. н. э. [2, стр. 35]; III—II вв. до н. э., I в. до н. э. — I в. н. э. и II—III вв. н. э. [25, стр. 147]. Ритуал погребения и устройство могилы во времени мало изменились, что свидетельствует об устойчивости обычаев и консервативности религиозных представлений. Обряд захоронения в грунтовых могилах представляет непосредственное развитие и продолжение традиции более раннего сакского времени.

Это наглядно видно при сравнении материалов могильников из долины Или Кызлауз I, относимого к сакскому периоду V—IV вв. до н. э. [5, стр. 91—101], и Капчигай III, датированного III—II вв. до н. э. [25, стр. 148—154, 175—177, 282—284].

Кызлауз I

V—IV вв. до н. э.
(по Акишеву, 1963)

1. Могильник вскрыт полностью — 19 курганов с 27 могилами.
2. Расположение цепочкой.
3. Захоронения в грунтовой могиле.
4. Каменное кольцо под насыпью.
5. Могилы перекрыты деревом.
6. $\frac{2}{3}$ погребений одиночные, $\frac{1}{3}$ — парные и коллективные.
7. Устойчивая ориентировка на запад.
8. Кости овцы.
9. Один-два сосуда.
10. Поделки из железа и бронзы в небольшом количестве.

Капчигай III

III—II вв. до н. э.
(по Кушаеву, 1963)

- Из 52 курганов вскрыто 40, опубликовано 30 курганов.
То же.
25 грунтовых и 5 подбойных могил.
Кольцо у основания или на насыпи.
То же.
Как правило, одиночные.
На запад и северо-запад.
То же.
То же.
То же.

¹ Остальные 20% составляют другие смешанные и неопределенные типы, которые не имеют отношения к нашей теме.

В целом в могилах усуньского времени больше железных изделий. Формы посуды отличаются от форм сакского периода, что и является основанием для разграничения.

Тесные генетические связи памятников усуньского и сакского времени отмечаются всеми исследователями. Большое сходство могильников этих периодов обусловило появление терминов «сако-усуньские памятники», «сако-усуньская культура» [12; 41, стр. 28]. На основании длительного сохранения одинаковых могильных сооружений, одних и тех же погребальных обрядов и генетического сходства инвентаря можно заключить, что захоронения в грунтовых могилах типичны для местного кочевого населения Семиречья, мало изменившегося в ходе вторжений извне.

Из сообщений письменных источников известно, что в ахеменидское время Семиречье было заселено сакскими племенами. Китайские хроники рубежа нашей эры отмечают, что наряду с усунями здесь обитали племена сэ (саков) и юечжей. Племена сэ принято считать потомками саков ахеменидского времени. Исходя из этого, можно предположить, что основная масса захоронений усуньского периода — захоронения в грунтовых могилах — принадлежит именно местным сакским племенам Семиречья, вошедшим в состав усуньского племенного союза.

Между тем в нашей литературе принято после исследования М. В. Воеводского и М. П. Грязнова считать грунтовые захоронения памятниками усуньских племен. Сейчас, после накопления большого нового материала, это отождествление вызывает сомнение, и настало время или привести дополнительные обоснования, или отказаться от него.

Обряд захоронения в грунтовых могилах был распространен среди местного кочевого населения Семиречья на протяжении длительного периода и был известен здесь задолго до появления усуней. У нас нет никаких данных предполагать обитание усуней на территории Семиречья ранее 60-х годов II в. до н. э. По сведениям письменных источников, усунь первоначально обитали между Дуньхуаном и Циляншанем в Центральной Азии. Именно здесь указывается прародина усуней. Под ударами гуннов в 160 г. до н. э. усунь вслед за юечжами переселились в Семиречье. Там они подчинили местное сакское население, а также часть юечжийских племен, другая часть которых переселилась дальше — в Среднюю Азию.

Естественно предположить, что погребальный обряд и устройство могил среди усуньских племен должны отличаться в каких-то элементах от обряда местного, подчиненного ими населения. Из сказанного следует, что на территории Семиречья только те памятники могут быть признаны усуньскими, которые появляются на этой территории начиная со II—I вв. до н. э. и коренным образом или в существенных элементах отличаются от памятников местного населения.

После переселения в Семиречье за короткий срок численность усуней, по сообщениям источников, достигла 630 тыс., что могло произойти за счет включения в их состав местных покоренных племен. В усуньском племенном союзе сами усунь были, очевидно, сравнительно немногочисленной господствующей прослойкой или частью общества. Основную массу населения Семиречья в это время, очевидно, по-прежнему составляли местные сакские племена. Численное соотношение местного и пришлого населения, очевидно, должно было бы отразиться и в исследованных погребальных памятниках.

Следовательно, анализ памятников и конкретные исторические

факты позволяют признать правильным отождествление наиболее массовых захоронений с местным сакским населением, а не с усунями — пришлыми племенами, вторгшимися на территорию Семиречья во II в. до н. э.

Рассмотрим вторую синхронную группу — памятники кенкольского типа с подбойными и катакомбными захоронениями. Ареал их включает обширные пространства юго-восточной половины Средней Азии — от Или на северо-востоке до Южной Туркмении и Южного Таджикистана. Памятники этой группы выявлены в настоящее время примерно в 140 пунктах в Семиречье, Фергане, Ташкентском и Бухарском оазисах, в долине Зеравшана, Южной Туркмении и Южном Таджикистане, а общее количество изученных курганов достигает более 1500 [4; 7; 8; 17; 23; 24; 27—29; 31; 32; 34—38; 43].

Вопрос о катакомбных и подбойных захоронениях Семиречья неразрывно связан с более общей и важной проблемой катакомбно-подбойных памятников Средней Азии, Южного Приуралья и Нижнего Поволжья, их роли в истории эпохи «великого переселения народов». И вполне понятно, что при рассмотрении этой группы часто приходится выходить за пределы Семиречья.

Катакомбные могилы известны в Средней Азии на территории Северной Бактрии уже в могильниках эпохи поздней бронзы (IX—VIII вв. до н. э.) [33, стр. 94]. Но они не имеют прямой связи с рассматриваемыми памятниками. Наиболее ранние подбойные сооружения обнаружены за пределами Средней Азии — в Северном и Северо-Восточном Казахстане и датируются V—IV вв. до н. э. [3; 26]. В Средней Азии подобные ранние могилы до сих пор не обнаружены. Между ними и захоронениями II—I вв. до н. э. существует хронологический и территориальный разрыв.

Археологические данные позволяют говорить о том, что подбойные и катакомбные захоронения появляются в большом количестве в долине р. Или и в других районах впервые во II—I вв. до н. э. Основная масса их датируется первыми веками нашей эры. Верхняя грань существования памятников доходит до V в. н. э. В течение длительного периода, со II в. н. э. и до V в. н. э., они сосуществуют с чильпекской группой. К тому же в Семиречье могилы этих основных типов встречаются на одной и той же территории и часто в одних и тех же могильниках. В долинах Или и Чарына из 34 в 13 могильниках в небольшом количестве представлены и подбойные захоронения (количественно же преобладают грунтовые могилы).

Наиболее многочисленны здесь захоронения в грунтовых ямах, которые составляют 76,7% всех изученных в долине Или курганов, а подбойные — 19%. Из 370 курганов усуньского времени, учтенных Г. В. Кушаевым, 80% содержали грунтовые могилы и 17% — подбойные [25, стр. 249, 250].

В других районах соотношение количества памятников этих основных типов варьируется. Так, в долине Таласа известно 115 грунтовых и 73 катакомбных и подбойных могил, что составляет примерно 60 и 40% [23, стр. 59]. Приблизительно такое же соотношение на Тянь-Шане, где, по материалам А. Кибирова, известно более 100 грунтовых и около 50 синхронных им подбойных и катакомбных могил [21].

В могильниках с господствующим обрядом подбойных и катакомбных захоронений часто в небольшом количестве встречаются грунтовые могилы, например: в известном Кенкольском могильнике в долине Таласа [10], Карабулак в Южной Фергане [7], Тулхар в Южном Таджикистане [31].

Катакомбные и подбойные памятники, по имеющимся сейчас данным, генетически не связаны с могильниками предшествующего сакского периода на территории Средней Азии. Вопрос о происхождении катакомбно-подбойных захоронений, о том, откуда они появились в Средней Азии, остается открытым.

Рассматриваемая группа резко отличается от захоронений в грунтовых ямах не только своеобразием устройства могилы и инвентаря, но также рядом деталей в ритуале и по материальной культуре. Это наглядно видно из сравнения катакомбного могильника Кенкол в Таласе [10, 23] с синхронными памятниками правобережья Или [6] и той же долины Таласа.

Кенкол—II—IV вв. н. э. (Талас)
(по Бернштаму—Кожомбердиеву)

1. Около 100 земляных курганов, вскрыто—48; 41—катакомба, 6—грунтовых могил, 1—сырцовый ящик.
2. Расположение бессистемное.
3. Изредка каменные выкладки под насыпью.
4. Ориентация погребенных разная (С, Ю, СВ, ЮВ и др.)
5. Одиночные и коллективные захоронения.
6. Положение покойника на деревянном ложе, в гроб или на каменных плитах на полу.
7. Ритуальная пища—мясо барана.
8. Мужские захоронения с оружием.
9. Женские—с разнообразным набором украшений.
10. В могилах встречаются привозные вещи.

Правобережье Или II—III вв. н. э.
(по Кушаеву)

Раскопано в 7 могильниках
44 кургана с 47 могилами;
37—грунтовые, 10 подбойные.

То же, частично цепочкой.
То же.

Устойчивая ориентировка на запад.

Как правило, одиночные.

Умершие положены непосредственно
на дно могилы.

То же.

Оружие отсутствует.
Общая бедность инвентаря.

Как правило, отсутствуют привозные
вещи.

Различаются также формы глиняной посуды.

Керамика из катакомб и подбоев, как правило, плоскодонная. Часто встречаются сосуды с прорезным орнаментом. Своеобразны формы кувшинов, вьючных флагов, курильниц, резко отличающиеся от набора сосудов в грунтовых захоронениях. Значительно больше керамики, изготовленной на гончарном круге. Только в катакомбах и подбоях обнаружены деревянные столики и деревянная посуда.

Катакомбно-подбойные захоронения отличаются от грунтовых также распространением обычая прижизненной деформации головы, который является важным этническим признаком. У большинства погребенных в Кенколе отмечена искусственная деформация черепа [16]. Подобное явление выявлено в курганах Тянь-Шаня [14], Ташкентского оазиса [18], Ферганы и Алая [15] и в могильнике Аруктау и других в Южном Таджикистане [22]. Широкое распространение этого обычая среди населения, хоронившего в катакомбах и подбоях, можно считать показателем стремления представителей этой этнической группы как-то выделить себя. В грунтовых могилах подобный обычай не засвидетельствован. Наблюдается и определенное различие в расовом типе погребенных в этих двух группах. По составу антропологических типов катакомбно-подбойные захоронения мало отличались от памятников первой группы. Основное различие между ними заключается в количественном преобладании в катакомбах и подбоях монголоидного компонента, людей монголоидного и смешанного европеоидного с при-

месью монголоидных черт типа, так называемого кенкольского типа. Этот метисированный тип встречен в ряде могильников. Он сложился в области длительного контакта европеоидной и монголоидной рас, вероятнее всего, в Центральной Азии и Восточном Туркестане. Все это говорит о значительно большем участии пришлого населения с востока в формировании этнического облика племен с катакомбными и подбойными захоронениями.

Таким образом, на территории Семиречья в усуньский период II в. до н. э. — V в. н. э. выделяются две основные этнические группы, одну из которых составляло местное сакское население, а вторую — пришлые племена. Относительно этнической принадлежности погребенных в катакомбах и подбоях высказаны разные и противоречивые суждения. Также не существует единого мнения о происхождении их.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют предполагать, что обряд захоронения в катакомбах и подбоях привнесен в Среднюю Азию извне. Появление нового погребального обряда возможно в двух случаях: при изменении религиозных верований или при появлении нового населения. Для усуньского периода смена или изменение религиозных представлений не отмечена по археологическим данным и сведениям письменных источников. Поэтому имеются основания связать появление нового погребального обряда, а также усиление монголоидных элементов в расовом типе с вторжением пришлого населения. Необходимо учитывать широкое распространение катакомбных и подбойных памятников на территории Средней Азии и за ее пределами — в Нижнем Поволжье и Восточном Туркестане. Эти памятники широко распространяются почти одновременно в разных частях указанной территории в последних веках до нашей эры (ранние подбои V—IV вв. до н. э. известны только в Поволжье и в Северном Казахстане). Маловероятно, чтобы у разных племен и народов независимо и почти одновременно могла появиться и бытовать одинаковая форма погребального сооружения и сходный ритуал погребения.

Можно предполагать, что катакомбные и подбойные захоронения в Средней Азии появились в результате переселения чужеземных племен. Затем в течение 600—700 лет пришлые племена жили одновременно с местным населением.

Сопоставление археологических данных о распространении и времени появления катакомбных и подбойных захоронений с сообщениями письменных источников о вторжении в Семиречье юечжей и усуней приводит нас к предположению о связи этих памятников с усуньскими и юечжийскими племенами. С этими народами можно сопоставить только такие памятники, которые распространены в Семиречье, но встречаются также и на территории Средней Азии. Дело в том, что, по сведениям источников, эти племена наряду с другими участвовали в борьбе с Греко-Бактрией и в создании Кушанского государства. Этому условию и отвечает отождествление катакомбных и подбойных памятников с юечжами и усунями. Распространение указанных памятников на территории Средней Азии можно рассматривать как отражение происходивших в этот период передвижений кочевых народов. Дополнительным подтверждением может служить распространение обычая искусственной деформации головы среди кушан [юечжей], засвидетельствованное изображениями на кушанских монетах [42, стр. 179 и сл.].

Проблема сопоставления осложняется тем, что повествующие о падении Греко-Бактрии античные источники упоминают только о племенах, вторгшихся из-за Яксарта (Сырдарьи), в то время как по ки-

тайским хроникам племени, принимавшие участие в этом событии, появились из Центральной Азии. Попытки примирить противоречивые сведения источников привели к созданию концепции о вторжении с двух сторон: с севера и с востока.

При решении вопроса об этнической принадлежности следует учитывать, что в это же время катакомбные и подбойные могилы встречаются среди сарматских племен. Сарматские захоронения, несмотря на общее сходство со среднеазиатскими, по ряду признаков отличаются от них. Возможно, что часть рассматриваемых памятников Средней Азии, как, например, могильники Бухарского оазиса и Южной Туркмении, больше связаны с сарматами. Не исключено, что в дальнейшем удастся выделить среди среднеазиатских захоронений группы разного происхождения — одну, связанную с востоком (юечжами и усунями), и другую — с севером (сарматами).

Известное единообразие и общность культуры кочевников Средней Азии и сарматских племен были обусловлены особенностями кочевого хозяйства, культуры и быта, их тесными взаимосвязями, а также происхождением от родственных сако-массагетских и савроматских племен. Все они относились к группе ираноязычных племен.

Предполагаемое сопоставление захоронений Семиречья с усунями и юечжами является гипотезой, требующей дальнейшего обоснования и доказательств. Окончательное решение проблемы возможно лишь при появлении данных о погребальных памятниках на прародине усуней и юечжей в Центральной Азии, относящихся к периоду, предшествующему их появлению в Семиречье.

В Центральной Азии, в районе оз. Лобнор, исследованы могильники с катакомбами и подбойными захоронениями [44], имеющими сходство с семиреченскими. Погребальный инвентарь беден. Наряду с местными формами посуды здесь найдены кубковидные кружки с прямыми стенками и петлевидной ручкой. Эта форма сходна с подобными сосудами из сако-усуньского могильника Кзылауз I. Другая форма, шаровидная кружка с петлевидной ручкой, также имеет аналогии в Кзылаузе и в грунтовых могилах Или усуньского времени. Кроме того, имеются большие сосуды с волнистым прорезным орнаментом, близкие сосудам Кенкола. Сопоставление лобнорских и семиреченских памятников позволяет говорить об их одновременности, о том, что в рассматриваемое время в Восточном Туркестане были распространены сходные со среднеазиатскими типы захоронения.

Установление тесных связей и соперничество между юечжами и усунями восходит еще к периоду обитания их в Центральной Азии. В результате соседства уже в то время могла появиться некоторая общность в культуре этих племен. На древних землях усуней и юечжей, в могильниках оз. Лобнор обнаружены одновременные подбойные и катакомбные захоронения. Существование этих двух типов захоронений отмечено и в ряде районов Средней Азии — долине Таласа, на Тянь-Шане, в Фергане и Бухарском оазисе. В настоящее время у нас нет оснований для дифференциации катакомбных и подбойных памятников и отождествления их с тем или иным племенем. Можно надеяться, что дальнейшее исследование, статистическая обработка материала и картографирование позволят уточнить сопоставление, связав каждый из вариантов захоронений с определенным этническим объединением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абетеков А. К., Археологические памятники кочевых племен в западной части Чуйской долины, — в кн. «Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана», Фрунзе, 1967.
2. Агеева Е. И., К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области, — ТИИАЭАН КазССР, 1961, т. 12.
3. Агеева Е. И. и Максимова А. Г., Отчет Павлодарской экспедиции 1955 г., — ТИИАЭАН КазССР, 1959, т. 7.
4. Агзамходжаев Т., Раскопки погребальных курганов близ станции Вревская, — ИМКУ, 1961, вып. 2.
5. Акишев К. А., Культура саков долины реки Или (VII—IV вв. до н. э.), — в кн. К. А. Акишев и Г. В. Кушаев, Древняя культура саков и усуней долины р. Или, Алма-Ата, 1963.
6. Акишев К. А., Отчет о работе Илийской археологической экспедиции 1954 г., — ТИИАЭАН КазССР, 1956, т. 1.
7. Баруздин Ю. Д., Карабулакский могильник, — ИАН КиргССР, СОН, 1961, т. 3, вып. 3.
8. Баруздин Ю. Д. и Брыкина Г. А., Археологические памятники Баткена и Ляйляка (Юго-Западная Киргизия), Фрунзе, 1962.
9. Бернштам А. Н., Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая, М.—Л., 1952 (МИА, № 26).
10. Бернштам А. Н., Кенкольский могильник, Л., 1940.
11. Бернштам А. Н., Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня, — СА, 1949, т. II.
12. Бернштам А. Н., Сако-усуньская культура ранних кочевников Чуйской долины, — в кн. «Чуйская долина», М.—Л., 1950 (МИА, № 14).
13. Воеводский М. В. и Грязнов М. П., У-суньские могильники на территории Киргизской ССР. К истории Усуней, — ВДИ, 1938, № 3.
14. Гинзбург В. В., Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алтая по антропологическим данным (1 тыс. до н. э. — 1 тыс. н. э.), — ТИЭ, 1954, т. 21.
15. Гинзбург В. В., Материалы к антропологии древнего населения Южной Киргизии (вторая половина 1 тыс. до н. э. — первая половина 1 тыс. н. э.), — ИАН КиргССР, СОН, 1960, т. 2, вып. 3.
16. Гинзбург В. В. и Жиров Е. В., Антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас КиргССР, — СМАЭ, 1949, т. 10.
17. Заднепровский Ю. А., Археологические памятники южных районов Ошской области, Фрунзе, 1960, стр. 116 [указаны основные публикации до 1960 г.].
18. Зезенкова В. Я., Некоторые данные о скелетах из погребальных курганов возле станции Вревская, — ТМИУ, 1951, вып. 1.
19. Исмагулов О., Антропологическая характеристика усуней Семиречья, — ТИИАЭАН КазССР, 1962, т. 16.
20. Кадырбаев М. К., Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана, — ТИИАЭАН КазССР, 1959, т. 7.
21. Кибиров А., Археологические работы в Центральном Тянь-Шане, — ТКиР АЭЭ, 1959, т. 2.
22. Кияткина Т. П., Череп из могильника Арук-Тау (Таджикистан), — ТИЭАН СССР, 1961, т. 71.
23. Қожомбердиев И., Катакомбные памятники Таласской долины, — в кн. «Археологические памятники Таласской долины», Фрунзе, 1963.
24. Крашенинникова Н. И., К вопросу об изучении древних могильников Ташкентского оазиса, — ТТашГУ, 1966, вып. 295.
25. Кушаев Г. В., Культура усуней правобережья р. Или (III в. до н. э. — III в. н. э.), — в кн. К. А. Акишев и Г. В. Кушаев, Древняя культура саков и усуней долины р. Или, Алма-Ата, 1963.
26. Кушаев Г. В., Ранние погребения Алакульской впадины, — в кн. «Новое в археологии Казахстана», Алма-Ата, 1968.
27. Латынин Б. А., Некоторые итоги Ферганской экспедиции 1934 г., — «Археологический сборник Гос. Эрмитажа», 1961, вып. 3.
28. Литвинский Б. А., Исследование могильника Исфаринского района в 1958 г., — ТИИАН ТаджССР, 1961, т. 27.
29. Лоховиц В. А., Новые данные о подбойных погребениях в Туркмении, — в кн. «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968.
30. Максимова А. Г., Усуньские курганы левобережья р. Или, — ИАН КазССР. Серия ист., археол. и этногр., 1959, вып. 1.
31. Мандельштам А. М., Кочевники на пути в Индию, Л., 1966 (МИА, № 136).
32. Мандельштам А. М., Некоторые данные о памятниках кочевого населения Южного Туркменистана в античную эпоху, — ИАН ТуркмССР, 1963, № 2.

33. Мандельштам А. М., Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане, Л., 1968 (МИА, № 145).
34. Обельченко О. В., Могильник Акджар-Тепе, — ИМКУ, 1962, вып. 3.
35. Обельченко О. В., Курганы около селения Хазара, — ИМКУ, 1963, вып. 4.
36. Обельченко О. В., Сазаганские курганы, — ИМКУ, 1965, вып. 6.
37. Обельченко О. В., Погребение сарматского типа под Самаркандом, — СА, 1967, № 2.
38. Сорокин С. С., Боркорбазский могильник, — ТГЭ, 1961, т. 5.
39. Тереножкин А. И., [рец. на ст.:] М. В. Воеводский и М. П. Грязнов, У-суньские могильники..., — ИУзФАН СССР, 1941, № 2.
40. Толстов С. П., Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., — ТХЭ, 1958, т. 2.
41. Толстов С. П., Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий, — ВДИ, 1963, № 2.
42. Трофимова Т. А., Изображение эфталитских правителей на монетах и обычай искусственной деформации черепа у населения Средней Азии в древности, — в кн. «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968.
43. Тургунов Б. А., Айртамский могильник, — ОНУ, 1968, № 8.
44. Хуан Вэнь-би, Гаочанская керамика, Пекин, 1931 [на кит. яз.].
45. Черников С. С., Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 г., — ИАН КазССР. Серия археол., 1951, вып. 3.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА, 1978

Скотоводство чустских племен Ферганы
(по материалам Дальверзинского поселения)

Основным источником для изучения древнего скотоводства служат кости животных, находимые при раскопках.

Большое количество костных остатков добыто в ходе работ (1956—1970 гг.) на Дальверзинском поселении. Опубликованы только результаты изучения сборов 1956 г.¹ В табл. 1 приведены отдельно данные 1956 г. и сводные данные о находках 1956, 1957—1962, 1966 и 1970 гг. В ней указано минимальное количество особей только по материалам 1956 г., так как нельзя суммировать эти данные за все годы.

На Дальверзине всего собрано 3855 костей животных и птиц, из которых подавляющее большинство (97,3%) принадлежит домашним животным. На первом месте по количеству найденных костей находится крупный рогатый скот (в дальнейшем — к. р. с.), затем мелкий рогатый скот (м. р. с.), лошадь, верблюд и собака. На долю диких животных приходится только 2,7%. На этом поселении обнаружены кости десяти видов диких животных и двух видов птиц.

Оценивая особенности скотоводческого хозяйства чустской культуры, мы отметили в свое время, что ведущую роль, очевидно, играло разведение к. р. с. и лошади, составлявших в среднем 40% стада. Этот вывод остается без изменения в отношении Дальверзина. По новым данным, кости этих видов составляют 67% всех костных остатков (табл. 2). Затем остеологические данные о составе стада у населения Ферганы бронзового века были сопоставлены с материалами по скотоводству земледельческих общин Южной Туркмении и с данными о составе стада у степных племен эпохи бронзы. Проведенное сравнение позволило сделать общее заключение о разном развитии скотоводства у рассматриваемых племен.

В археологических работах подобным анализом костных остатков из отдельных памятников и сравнением их с другими культурами обычно заканчивается рассмотрение скотоводства. При этом остаются неисследованными важные вопросы о формах скотоводческого хозяйства и их

¹ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы.— МИА, № 118, 1962, табл. 5. Все материалы из Дальверзина определены в Зоологическом институте АН СССР и в ЛОИА АН СССР. Сборы 1956 г.— Н. Н. Мельниковой; 1957—1962 гг.— Н. М. Ермоловой; 1966 и 1970 гг.— Т. Худайбердыевым. Всем им автор приносит свою искреннюю благодарность.

Таблица 1. Видовой состав животных из Дальверзина

Виды животных	1956 г.		1956—1970 гг.
	кости	особи	кости
<i>Домашние животные</i>	942	62	3746
Лошадь	190	8	899
Осел	2	1	27
К. р. с.	446	17	1522
М. р. с.	269	31	1135
Верблюд	4	1	19
Собака	31	4	144
<i>Дикие животные</i>	12	3	109
Олень благородный	—	—	11
Архар	2	1	6
Джейран	—	—	20
Сайга	—	—	2
Косуля	—	—	1
Кабан	9	1	29
Кулан	—	—	4
Волк	—	—	7
Лисица	—	—	18
Корсак	—	—	1
Фазан	—	—	3
Ягнятник	—	—	1
Птица	1	1	6
Итого:	954	65	[3855

Таблица 2. Процентное соотношение видов домашних животных из Дальверзина

Виды домашних животных	1956 г.		1956—1970 гг.
	кости	особи	кости
Лошадь	20,8	13,8	25,0
Осел	0,2	1,7	0,7
К. р. с.	49,0	29,3	42,2
М. р. с.	29,5	53,4	31,5
Свинья	—	—	—
Верблюд	0,4	1,7	0,5
Итого:	99,9	99,7	99,9

особенностях. Для того чтобы подойти к решению этих вопросов, необходимо расширить круг источников и разработать новые методические приемы исследования.

Приступаем к изложению опыта реконструкции количественного состава стада, которое содержали древние жители Дальверзина. Необходимым предварительным условием для подобных расчетов является установление численности населения. Исходя из норм, принятых в археологии Ближнего Востока (100 человек на 1 га площади поселения), получаем число жителей Дальверзина 2500 человек. Учитывая несколько меньшую плотность застройки, делаем скидку в 20% и получаем 2000 человек. Ранее я считал, что в Дальверзине жило не менее 1000 человек. Разумеется, вопрос о численности населения требует дальнейшего уточнения, но пока условно принимаем цифру 2000 человек.

Костные остатки показывают, что именно домашний скот, а не охота, давал основную массу мясных продуктов. Поэтому необходимо перерассчитать и определить процентное соотношение видов животных, исключив данные о диких животных и собаках, которые, по всей вероятности, не входили в обычный рацион питания (табл. 2). Данные о находках костей ослов, мясо которых также не ели, оставлены в таблице для сравнительного изучения.

Потребность древнего населения Дальверзина в мясе можно примерно определить, исходя из установленной дореволюционными исследователями минимальной биологической потребности в мясной пище. Для земледельческого населения Ферганы эта норма составляла в одном районе 1,65 пуда, в другом — 2,03, в третьем — 2,1 (33,6 кг) в год (для упрощения все дальнейшие расчеты приводим в пудах).

Исходя из нормы, установленной для Андижанского уезда², получаем минимальное количество необходимого мяса $2,1 \times 2000 = 4200$ (пудов в год).

В остеологических исследованиях применяют методы «общего количества костей» и «минимального количества особей». Специальное исследование по сопоставлению обоих методов провел К. Л. Паавер. Ему удалось установить, что определения по количеству костных остатков из различных слоев и памятников более сопоставимы, нежели данные о количестве особей³. Мы полностью разделяем мнение о преимуществе определений «общего количества костей» для сравнительного изучения. Однако все специалисты считают, что нужно использовать оба метода, ибо они корректируют друг друга. Поэтому в дальнейшем приводятся три варианта расчетов, основанных на количестве костей (I) и особей (II) по сборам 1956 г., и кроме того данные о находках костей за 1956—1970 гг. (III).

Соотношение костей и особей домашних животных в процентах можно иначе представить как количественное соотношение отдельных видов жи-

² Материалы по киргизскому землепользованию. Ферганская область. Андижанский уезд. Ташкент, 1913, с. 71.

³ Паавер К. Л. К методике определения относительного значения видов и групп млекопитающих в остеологическом материале из раскопок археологических памятников. — «Известия АН ЭССР», т. VII, серия биологическая, № 4, 1958.

вотных в стаде из 100 голов. Получаем в округленных цифрах состав подобного стада у населения Дальверзина:

- I — лошади — 21; к. р. с. — 49; м. р. с. — 30 (итого 100 голов)
 II — лошади — 14; к. р. с. — 30; м. р. с. — 54 (итого 98 голов)
 III — лошади — 25; к. р. с. — 42; м. р. с. — 32 (итого 99 голов)

Дальнейшие расчеты таковы. Убойный вес лошади среднеазиатской породы по данным дореволюционных статистиков равен 8—11 пудам, для удобства подсчетов принимаем 10 пудов. Вес коровы — 6 пудов, быка — 8 пудов. Принимаем средний вес к. р. с. 7 пудов, а м. р. с. — 1,5 пуда. Произведем расчеты, получаем количество мяса, которое можно было получить от стада в 100 голов:

	I вариант	II вариант	III вариант
Лошади	$21 \times 10 = 210$	$14 \times 10 = 140$	$25 \times 10 = 250$
К. р. с.	$49 \times 7 = 343$	$30 \times 7 = 210$	$42 \times 7 = 294$
М. р. с.	$30 \times 1,5 = 45$	$54 \times 1,5 = 81$	$32 \times 1,5 = 48$
Итого:	598 пудов	431 пуд	592 пуда

Для упрощения расчетов округляем цифры для вариантов I и III до 600 пудов, а для варианта II — до 420 пудов. Для получения нужного количества мяса — 4200 пудов — следовало в течение года забить в соответствующей пропорции (для вариантов I и III — $4200 : 600 = 7$; для варианта II — $4200 : 420 = 10$).

	I вариант	III вариант	II вариант
Лошади	$21 \times 7 = 147$	$25 \times 7 = 175$	$14 \times 10 = 140$
К. р. с.	$49 \times 7 = 343$	$42 \times 7 = 294$	$30 \times 10 = 300$
М. р. с.	$30 \times 7 = 210$	$32 \times 7 = 224$	$54 \times 10 = 540$
Итого:	700 голов	693 головы	980 голов

В итоге 700 голов скота могут дать 4186 пудов мяса, 693—4164 пуда, 980—4310 пудов, что близко к расчетной потребности.

Цифры 7 (для вариантов I и III) и 10 (для варианта II) условно называем «коэффициентом реконструкции».

Итак, чтобы получить минимальное количество мяса, требующееся для населения Дальверзина (2000 человек), ежегодно необходимо было резать не менее 700 или 980 голов. Попытаемся определить количественный состав реального стада, учитывая, что убой могли производить, очевидно, только в размерах, которые покрывались естественным приплодом. Во всех расчетах мы исходили из возможностей удовлетворения потребностей только за счет собственного натурального хозяйства населения. Относительно количества приплода в литературе приводятся разные цифры по отдельным районам. Наиболее обстоятельное исследование сообщает следующие данные о проценте молодняка в стаде: лошади — 10,2; к.р.с. — 24,3; верблюды — 6,5; овцы — 36,1; козы — 45,3 (последние два вида объединяем и получаем в среднем 40,7)⁴. Средний прирост ра-

⁴ Материалы по обследованию кочевого и туземного хозяйства и землепользования в Аму-Дарьинском отделе Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1915.

вен примерно 20%. Можно допустить, что ежегодно резали примерно $\frac{1}{4}$ часть стада. Из этого следует, что для определения минимального размера реального стада необходимо количество скота, ежегодно забиваемого для потребления, помножить на 5.

В результате получаем следующий состав стада у древнего населения Дальверзина:

	I вариант	II вариант	III вариант
Лошади	$147 \times 5 = 735$	$140 \times 5 = 700$	$175 \times 5 = 875$
К. р. с.	$343 \times 5 = 1715$	$300 \times 5 = 1500$	$294 \times 5 = 1470$
М. р. с.	$210 \times 5 = 1050$	$540 \times 5 = 2700$	$224 \times 5 = 1120$
Итого:	3498 голов	4900 голов	3485 голов

Более простой способ определения размеров реального состава стада получаем путем умножения количества скота в стаде из 100 голов на коэффициент реконструкции (7 и 10) и на количественный показатель забоя скота 5:

	I вариант	II вариант	III вариант
Лошади	$21 \times 7 \times 5 = 735$	$14 \times 10 \times 5 = 700$	$25 \times 7 \times 5 = 875$
К. р. с.	$49 \times 7 \times 5 = 1715$	$30 \times 10 \times 5 = 1500$	$42 \times 7 \times 5 = 1470$
М. р. с.	$30 \times 7 \times 5 = 1050$	$54 \times 10 \times 5 = 2700$	$32 \times 7 \times 5 = 1120$

Теперь у нас появилась возможность сравнить количественные данные о составе стада у населения Дальверзина с этнографическими материалами, характеризующими основные варианты скотоводческого хозяйства Ферганы дореволюционного периода. Принципиальная правомерность подобных сопоставлений не исключается специалистами. Так, В. И. Цалкин, сравнивая состав стада у средневекового и современного (по данным 1935 г.) населения Каракалпакии, приходит к следующему заключению: «Трудно не заметить поразительного сходства, которое обнаруживается в составе стада у населения северной Каракалпакии в XI—XIV вв. н. э. и в самом недавнем прошлом... Невольно напрашивается мысль, что основные формы современного животноводства Каракалпакии, выражающиеся в составе стада сельскохозяйственных животных, сложились уже в очень давнее время, видимо, не позднее первой половины II тысячелетия н. э.»⁵.

Относительно развития скотоводства у населения Ферганской долины имеются интересные материалы в известном труде А. Ф. Миддендорфа⁶, в работах В. П. Наливкина⁷ и других дореволюционных исследователей. Животноводству оседлого таджикского населения Западной Ферганы посвящен специальный раздел монографии Н. Н. Ершова⁸.

⁵ Цалкин В. И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. — МИА, № 135, 1966, с. 154.

⁶ Миддендорф А. Ф. Очерки Ферганской долины. СПб., 1882.

⁷ Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.

⁸ Ершов Н. Н. Сельское хозяйство таджиков Ленинградского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией. — В кн.: «Труды АН ТаджССР», т. XXVIII, 1960.

В книге о прошлом и настоящем узбекского селения в Наманганской области обстоятельно рассмотрен также и вопрос о скотоводстве⁹. Значительный вклад в изучение скотоводства внесла работа Л. С. Толстовой¹⁰. Однако следует признать, что вопросы истории скотоводства Ферганской долины еще недостаточно изучены и пока отсутствует сводная работа, в которой был бы систематизирован и обобщен весь имеющийся материал и рассматривалась бы эта проблема и в частности вопрос о формах скотоводческого хозяйства в дореволюционный период на всей территории долины. Образцом обобщающего исследования можно считать статью Б. Х. Кармышевой, посвященную типологии скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана¹¹. Исходные данные для изучения форм скотоводства Б. Х. Кармышева видит в своеобразии природных условий, этническом составе населения и его культурных традициях, месте скотоводства в хозяйстве, составе стада и способах ведения скотоводства¹².

Следовательно, для определения на этнографических материалах особенностей скотоводства и его типов необходимо в каждом случае учитывать комплекс многочисленных факторов. Совершенно естественно, когда возникает вопрос о сопоставлении археологических и этнографических материалов, что ряд исходных данных для древних периодов, изучаемых археологией, отсутствует, и это затрудняет сопоставление. Археологи располагают только сведениями о природных условиях и некоторыми данными о составе стада и должны реконструировать особенности хозяйства путем сопоставления их с этнографическими моделями (типами). В большинстве этнографических трудов, в частности, в работе Б. Х. Кармышевой, недостаточное внимание обращено на количественный фактор, часто отсутствуют цифровые показатели о величине стада, о соотношении отдельных видов животных и т. д.

Количественные данные по скотоводству Ферганы можно найти в статистических изданиях и особенно в трудах Переселенческого управления¹³. Наиболее полные сведения по сельскому хозяйству, в том числе по скотоводству, содержатся в материалах Всероссийской сельскохозяйственной переписи, проведенной летом 1917 г.¹⁴ Опубликованные материалы позволяют всесторонне охарактеризовать и исследовать состояние хозяйства сельского населения Ферганы дореволюционного периода.

Анализ материалов по скотоводству, прежде всего о процентном соотношении видов домашних животных в хозяйствах по волостям, пока-

⁹ Сузарева О. А., Бикжанова М. А. Прошлое и настоящее селения Айкыран.— ТИИА АН УзССР, вып. 6, 1955.

¹⁰ Толстова Л. С. Каракалпак Ферганской долины. Нукус, 1959.

¹¹ Кармышева Б. Х. Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана (конец XIX — начало XX в.).— СЭ, 1969, № 3.

¹² Кармышева Б. Х. Типы скотоводства..., с. 45.

¹³ Материалы по киргизскому землепользованию. Ферганская область, Наманганский уезд. Ташкент, 1913; Материалы по киргизскому землепользованию. Ферганская область, Андижанский уезд. Ташкент, 1913.

¹⁴ Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 г. Вып. 2. Поволостные итоги Ферганской области. Самарканд, 1925.

зывает большую пестроту и значительное разнообразие состава стада, которое, однако, можно свести к трем основным группам:

I — с преобладанием в стаде к.р.с. — 60—70% — и лошадей — 15—20%;

II — с преобладанием м.р.с. — 60—90% — и небольшим количеством лошадей и коров;

III — промежуточная между первыми двумя группами.

Состав стада первой группы типичен для развитых, чисто земледельческих хозяйств в Араванской, Алты-арынской, Маргеланской и других волостях. Примерно в трети всех административных единиц Ферганской области преобладала эта группа.

Вторая группа характерна для кочевого скотоводства Ичкиликской, Кугартской, Ляйлякской, Найманской (в Алайской долине) волостей. Сходный состав стада был и у оседлого населения некоторых волостей, например Базар-Курганской, Избаскентской, Аштской, Уйчинской, Чусгской и др. Природные условия в этих районах, очевидно, способствовали разведению преимущественно овец и коз. Различия между этими двумя вариантами скотоводства второй группы трудно выявить по данным о составе стада. Однако существенным основанием для разграничения служит разная степень развития земледелия и обеспеченности хозяйства скотом. В качестве примера рассмотрим данные по оседлому и кочевому населению Базар-Курганской волости. У оседлого населения волости поливные пашни составляли 58,1% всех земель и богарные — 39,0%. У кочевого населения соответственно — 9,9 и 45,7%. На одно хозяйство оседлого населения посевов приходилось 4,3 десятины, а у кочевого — только 2,2. Оседлое население насчитывало 11 073 человека, кочевое — 4925, по первые имели 20 050 голов скота, а вторые — 18 300¹⁵. Из приведенных данных следует, что вторую группу необходимо подразделить на два варианта — IIa — кочевая, IIб — оседлая — и при использовании количественных показателей учитывать конкретные условия и всю совокупность сведений о хозяйстве.

В третьей группе примерно половину стада составляет к.р.с., количество лошадей больше, чем во второй группе, и равно или немногим больше, чем в первой. М.р.с. в хозяйствах этой группы значительно меньше, чем во второй, но больше, чем в первой группе (табл. 3). Стада этого типа преобладали в Чартакской и Каракалпакской и других волостях.

Намеченная группировка по показателям процентного соотношения видов скота, несомненно, нуждается в дальнейшей разработке и детализации. Выделение указанных групп следует рассматривать только как начальный этап разработки общей типологии скотоводческого хозяйства Ферганы по количественным показателям.

Как видно из табл. 3, количественные показатели стада Дальверзинского поселения эпохи бронзы (всех трех вариантов) оказываются пора-

¹⁵ Все статистические данные, приведенные здесь и не оговоренные в дальнейшем, взяты из кн.: «Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 г.».

Таблица 3. Типы скотоводческих хозяйств Ферганы по процентному составу животных (по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г.) и место скотоводства Дальверзин эпохи бронзы

Группы	Волости	Лошадь	К. р. с.	М. р. с.	Верблюды	Ослы
I	Араванская	21,4	70,0	8,3	0,1	0,2
	Алты-арыкская	22,1	68,9	8,8	0,1	0,1
	Ичкиликская кочевая	11,0	8,3	78,5	2,2	—
IIa	Ляйлякская кочевая	2,3	4,9	90,1	0,5	2,2
	Найманская кочевая	9,7	10,6	76,2	3,0	0,5
IIб	Алмазская оседлая	7,8	27,9	61,1	0,2	3,0
	Чустская оседлая	4,8	29,7	63,6	0,2	1,7
	Аимская оседлая	22,2	48,5	26,6	2,5	0,2
III	Кургантепинская оседлая	16,2	34,2	47,5	1,9	0,2
	Каракалпакская оседлая	14,7	49,0	35,8	0,2	0,3
	Чартакская оседлая	14,4	35,9	48,5	0,5	0,7
	Дальверзин (эпоха бронзы)					
	I	20,8	49,0	29,5	0,4	0,2
	II	13,8	29,3	53,4	1,7	1,7
	III	25,0	42,2	31,5	0,5	0,7

зительно сходными с показателями по Аимской, Каракалпакской, Чартакской и другим оседлым волостям, которые входят в третью группу.

Для определения соответствия этнографическим моделям важны не только процентные соотношения видов скота в стаде, но и абсолютные данные о количестве скота. Сравнение установленных выше цифр показывает, что при значительно большей плотности населения и большем развитии земледелия в Аимской волости (на территории которой находится Дальверзин) жители ее по данным переписи 1917 г. содержали 15 700 голов скота, т. е. только в три—пять раз больше, чем определено для эпохи бронзы.

Учитывая всю условность и относительное значение подобных сопоставлений, нельзя, однако, не признать, что они позволяют более конкретно характеризовать и в известной мере реконструировать формы скотоводства эпохи бронзы в Ферганской долине, определив его соответствие реальной этнографической модели. Необходимо отметить значительную близость (если не тождество) состава стада у населения эпохи бронзы и дореволюционного периода, что свидетельствует об устойчивой традиционности развития скотоводства в районах господства натурального хозяйства в Фергане.